

Жан плюс Жан

Два Жана — Кокто и Марэ — составили блистательный кинематографический дуэт 40-50-х годов. Картины «Орфей» и «Вечное возвращение» — классические образцы «кинематографа Кокто», где Марэ — главный герой, рыцарь и кумир.

Оксана ГАВРЮШЕНКО

● Именно Жан Кокто «вылепил» из неуклюжего дебютанта Марэ актера-суперзвезду, одного из самых безусловных кумиров уходящего века. Марэ, в свою очередь, стал для Кокто источником вдохновения, его альтер-эго, зримым воплощением мужского идеала. Специально для любимого артиста Кокто сочинял пьесы, снимал Марэ во всех своих фильмах.

Кокто и Марэ познакомились в 1937-м, в ту пору Кокто уже был культовой фигурой. Человеком-оркестром называли этого озорника и самого модного представителя парижской богемы. Он был причастен к различным школам авангарда (дадаизму, сюрреализму, кубизму) и связан узлами дружбы с Пикассо, Дягилевым, Прустом. Художник и драматург, писатель и музыкант, кинорежиссер и актер, Кокто трижды возглавлял жюри Каннского кинофестиваля, хотя кино было для него всего лишь одной из «забав», причем далеко не главной. Он был увлекающейся и многогранной личностью: поэт, мечтатель, поклонник оптимистических грез, завсегдатай театральных кулис и дорогих ресторанов.

Кокто был поэтом от Бога, и именно потому «орфеевская» тема смерти и возрождения Поэта, цены искусства и участи художника в корыстном несовершенном мире так сильно звучит во всех его фильмах. Эти мотивы доминируют уже в первом кинематографическом опыте Жана Кокто — картине «Кровь поэта» (1930). В 1943-м он пишет сценарий фильма «Вечное возвращение», осовремененную версию легенды о Тристане и Изольде с Жаном Марэ в роли благородного рыцаря. Режиссером фильма значится добротный ремесленник Жан Деланнуа, но картина буквально пропитана фирменным

«ДВА В ОДНОМ»

«магическим реализмом» Кокто. Лента делалась под неусыпным творческим контролем знаменитого сценариста, потому ее с полным правом и относят к «кинематографу Кокто».

Но только «Орфей» (снятый по его же пьесе 1927 года) в полной мере продемонстрировал возможности «ирреального реализма» (как сам Кокто определял свой творческий метод). Один из самых поэтических мифов античной цивилизации, миф о певце Орфее, спустившемся в царство мертвых — Аид, чтобы вернуть любимую Эвридику, преломляется здесь через трагическое мироощущение человека двадцатого века.

Принцесса-Смерть в исполнении блистательной Марии Казарес (первоначально на эту роль намечалась Марлен Дитрих) — прекрасная и загадочная женщина. Ангел смерти Эртебиз (его играет Франсуа Перье, позже прославившийся целой галереей отрицательных персонажей в полицейских фильмах, а также ролью продажного адвоката Терразини в первом «Спруте») похож не на зомби, а на старательного студента-практиканта. Одетые в современные костюмы полицейские и журналисты реальны не более, чем сама Смерть-Казарес, которая на загробном судилище признается Орфею в любви.

Но самая сложная и вместе с тем выигрышная роль досталась, конечно же, Жану Марэ. Его Орфей — само воплощение мятущейся души поэта, Творца, который разрывается между привязанностью к земной женщине и властным зовом потустороннего мира, откуда приходит к нему поэтическое вдохновение. Знаменитая сцена «погружения в зеркало», перемещения поэта в зазеркалье продолжает очаровывать зрителей до сих пор, хотя и ребенку понятно, что рука актера окунается не в стекло, а в жидкость. Такова сила воздействия магического реализма Кокто.

Лет десять назад фасад одного из кинотеатров украшал рекламный плакат, призывающий народ на «мистический фильм ужасов» «Орфей» с народным любимцем Жаном Марэ в главной роли. Поклонникам «фильмов плаща и шпаги» суждено было пережить разочарование, их любимый супермен не исполнял в этом

фильме сногшибательных трюков, не фехтовал, не гарцевал на коне. Он просто играл некоего поэта «со странностями». А вот эстеты были в восторге: ведь «Орфей» Жана Кокто — одна из самых красивых и поэтических лент за всю историю мирового кинематографа.

● «Орфей», Франция, 1949, реж. Ж. Кокто, в ролях: Ж. Марэ, Ф. Перье, М. Казарес, вторник, Столица, 22.25
● «Вечное возвращение», Франция, 1943, реж. Ж. Деланнуа (сценарий и диалоги Ж. Кокто), в ролях: Ж. Марэ, М. Солонь суббота, Культура, 22.20

Жан первый. Марэ

Жан второй. Кокто

Веч. Москва. — 1999 — 28 окт. — с. 12

«Я не люблю разлук./растерянности чувство./ Ты так мне близок, друг,/что в этом есть искусство» — эти строки посвятил младому другу Жан Кокто. Жан Марэ называл Кокто «мой Добрый-Гений-Жан». И всякий, кто оказывался на вилле Марэ незадолго до его смерти, понимал, что попал в музей Жана Кокто.